

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФОРМАТ

Скрипачка Светлана БЕЗРОДНАЯ и ее "Вивальди-оркестр" — это самая разная музыка: от Скарлатти до Шнитке и от Моцарта до аргентинского танго. Это более 500 сочинений и насыщенная гастрольная жизнь. Это оркестр, в составе которого только женщины, и особый сценический облик: праздничный, театральный, элегантный.

думки, чтобы согреть этого мраморного Командора, пробиться через его холодный панцирь. В искусстве должна быть чувственность, а не серийность.

С детства не могла понять, почему оркестрантки всегда так неряшливо одеты и растрепаны, — рассказывает Светлана Безродная. — Поэтому, когда создавался оркестр, я объясняла девушкам, что их не только слушают, но и смотрят на них. Здесь нам помог модельер Слава Зайцев, которого я обожаю и с которым дружу двадцать пять лет. Мы попросили девушек отказаться от очков, поскольку это неэстетично, и перейти на линзы. Славна настаивал, чтобы у всех были одинаковые прически — гладко зачесанные назад волосы, но пока это не удалось. Для меня он создал несколько эффектных сценических костюмов.

Когда я еще преподавала в Центральной музыкальной школе, то своих воспитанников учила не только играть на скрипке, но и уметь подать себя. Мне часто говорили: Света, твоих учеников сразу узнаешь по тому, как они держатся и как улыбаются. Мне кажется, что в консерватории, как и в театре, надо обязательно преподавать сценическое движение.

— Светлана Борисовна, как появился ваш оркестр? Вы были известной скрипачкой и...

— Нет, я была известным в узких кругах преподавателем со своей авторской системой игры на скрипке, причем сама я на скрипке не играла, а только объясняла.

— Как не играли?

— Двадцать лет, что я преподавала, я скрипку не держала в руках. А потом, когда вновь стала играть, оказалось, что ничто не потеряно — ни техника, ни растяжка пальцев. Когда мы с оркестром впервые приехали в США и выступали в Нью-Йорке в Линкольн-центре, то на меня приходили смотреть как на диковинку. Но это уже потом, а до оркестра у меня был студенческий ансамбль скрипачей. Как-то мы играли в Кремлевском дворце съездов труднейшую пьесу Тихона Хренникова. На сцене три рояля и почти сто скрипачей. Когда мы начали играть, то удостоились похвалы от Черненко, который объявил на весь зал: "Хорошо пионеры играют, и тренер у них хороший".

А "Вивальди-оркестр" был создан в 1989 году, его преобразован стал оркестр женской консерватории Сан-Пиета, которым руководил Антонио Вивальди.

Очень просто, под ручку

— Оркестр был создан по указанию "сверху" или по вашему желанию?

— Тут как-то мистиче...

Скажем, в эпоху пятидесятых, когда пели без фонограммы, а по телевидению и радио шли в прямой трансляции музыкальные концерты и спектакли. Да еще какие! Из Большого "Евгений Онегин" — и не с Басковым, во фраке Лемешева, а с самим Сергеем Яковлевичем в роли Ленского. Или знаменитый "Театр у микрофона", или телевизионные версии спектаклей Малого, МХАТа с великими "стариками". И все это вместо сегодняшнего малообразовательного стеба и бесконечных сериалов, которые иначе чем "школой молодого бандита" не назовешь. Или еще один свежий пример — переселение в здание ГДРЗ телеканала "Культура", к которому у меня лично, и не только у меня, много острых вопросов. Кто планировал этот эксперимент? И что теперь будет с теми оркестрами, чьи базы находились в Доме звукозаписи? Что будет с его бесценным фондом? Как будет осуществляться процесс грамзаписи?

Или то, что происходит в Московской филармонии, которая является государственным институтом культуры, а не частным предприятием. И создана была для раскрытия таланта молодых одаренных...

Но я люблю и запись, месяцами могу сидеть в студии. Благодаря Сбербанку России, который предложил нам свою неограниченную помощь, и я ему очень признательна за это, мы уже записали два двойных альбома. Один двойник — это так называемое "Русское танго" 20—40-х годов и классические миниатюры. Другой называется "Марлен. Несостоявшаяся встреча" — здесь собраны популярные мелодии 20—30-х годов, как русские, так и немецкие. А совсем скоро выйдут еще два двойных альбома, где записаны произведения Вивальди, Чайковского, Моцарта, Россини, а также вальсы Штрауса и аргентинское танго до эпохи Пьяццоллы.

Что касается мелодий 20—30-х годов и танго, то мы проделали уникальную работу. Мы снимали песни и мелодии с пластинок, причем надо было переводить звучание духовых джаз-бэндов на струнные.

— А авангардную музыку вы исполняете? Я имею в виду академический авангард.

— Кто-то из музыкантов назвал авангардную музыку "химией". Она, возможно, и прекрасна, но ее можно рассчитать. Наш сын, он пианист, заканчивая ЦМШ, со своим приятелем виолончелистом проделал такой труд. На экзамене по ансамблю они представили современную сонату некоего композитора и имели бешеный успех, им поставили пять с плюсом. Но всю эту музыку они придумали сами. Играть таким-то диким звуком, Сережа вскакивал, щипал струну открытого рояля, потом шли какие-то невероятные пассажи... В общем, авангард. А вот то, что создавали Моцарт, Чайковский, сочинить трудно. Потому что невозможно рассчитать на бумаге или компьютере. А в авангарде 12 тонов, переставляй их — вот тебе и серия, серийная музыка. Мы тоже играем авангард, но нужно иметь много вы-

ским образом совпали стремление Министерства культуры СССР иметь подобный оркестр и мое желание создать свой собственный оркестр. Оркестр стал любимым дитятей государства и Минкульту. Очень много для нас делал тогдашний министр культуры СССР Николай Николаевич Губенко.

— А сейчас?

— Сейчас мы видим, как государство относится к своим детям, которые голодают, побираются на улицах... Так относятся и к нам. Я раньше хвасталась, что мои оркестрантки не подрабатывают на стороне. Но сейчас я разрешила девушкам подрабатывать. Ведь у них маленькая зарплата, а на руках семьи, некоторые из них матери-одиночки. И они, музыканты государственного академического оркестра, бегают в поисках дополнительного заработка. Это унижительно, это стыдно. Но не мне, не нам. Должно быть стыдно государству, которое нас довело до такого состояния. Мы всегда служили отечеству, не уезжали, не бросали свою страну. Но героями сегодня оказываются те, кто вовремя, на политической волне, уехал из СССР.

Как-то после одного из концертов, который мы давали в честь ветеранов войны, я подошла к очень известному артисту, от которого многое зависит, и стала ему рассказывать о наших трудностях, а он мне: "Что вы волнуетесь? Ведь есть "Газпром", "Лукойл". Я ему: "Да как же к ним пробиться?!" А в ответ услышала: "Очень просто, под ручку!"

— На ваш взгляд, сегодня время талантливых людей?

— В России всегда были, есть и будут талантливые люди. А по поводу времени... Сейчас, увы, время не талантливых, а пропалченных людей. Мы оказались в обществе, которое в чем-то страшнее того, что было при Сталине. Я говорю это со всей ответственностью. Мой папа был главврачом Кремлевской больницы, он вместе с Виноградовым и другими врачами проходил по делу "врачей-вредителей". Та власть, может быть, и ненавидела искусство, но стремилась выглядеть перед всем миром культурной. Поэтому во времена СССР классическому искусству и науке уделялось пристальное внимание, и музыкальному образованию тоже.

Скажем, в эпоху пятидесятых, когда пели без фонограммы, а по телевидению и радио шли в прямой трансляции музыкальные концерты и спектакли. Да еще какие! Из Большого "Евгений Онегин" — и не с Басковым, во фраке Лемешева, а с самим Сергеем Яковлевичем в роли Ленского. Или знаменитый "Театр у микрофона", или телевизионные версии спектаклей Малого, МХАТа с великими "стариками". И все это вместо сегодняшнего малообразовательного стеба и бесконечных сериалов, которые иначе чем "школой молодого бандита" не назовешь. Или еще один свежий пример — переселение в здание ГДРЗ телеканала "Культура", к которому у меня лично, и не только у меня, много острых вопросов. Кто планировал этот эксперимент? И что теперь будет с теми оркестрами, чьи базы находились в Доме звукозаписи? Что будет с его бесценным фондом? Как будет осуществляться процесс грамзаписи?

Или то, что происходит в Московской филармонии, которая является государственным институтом культуры, а не частным предприятием. И создана была для раскрытия таланта молодых одаренных...

Но я люблю и запись, месяцами могу сидеть в студии. Благодаря Сбербанку России, который предложил нам свою неограниченную помощь, и я ему очень признательна за это, мы уже записали два двойных альбома. Один двойник — это так называемое "Русское танго" 20—40-х годов и классические миниатюры. Другой называется "Марлен. Несостоявшаяся встреча" — здесь собраны популярные мелодии 20—30-х годов, как русские, так и немецкие. А совсем скоро выйдут еще два двойных альбома, где записаны произведения Вивальди, Чайковского, Моцарта, Россини, а также вальсы Штрауса и аргентинское танго до эпохи Пьяццоллы.

Что касается мелодий 20—30-х годов и танго, то мы проделали уникальную работу. Мы снимали песни и мелодии с пластинок, причем надо было переводить звучание духовых джаз-бэндов на струнные.

— А авангардную музыку вы исполняете? Я имею в виду академический авангард.

— Кто-то из музыкантов назвал авангардную музыку "химией". Она, возможно, и прекрасна, но ее можно рассчитать. Наш сын, он пианист, заканчивая ЦМШ, со своим приятелем виолончелистом проделал такой труд. На экзамене по ансамблю они представили современную сонату некоего композитора и имели бешеный успех, им поставили пять с плюсом. Но всю эту музыку они придумали сами. Играть таким-то диким звуком, Сережа вскакивал, щипал струну открытого рояля, потом шли какие-то невероятные пассажи... В общем, авангард. А вот то, что создавали Моцарт, Чайковский, сочинить трудно. Потому что невозможно рассчитать на бумаге или компьютере. А в авангарде 12 тонов, переставляй их — вот тебе и серия, серийная музыка. Мы тоже играем авангард, но нужно иметь много вы-

полнителей, зачастую неимущих, также для публики, у которой нет возможности приехать туда на своих "Мерседесах" с охраной. А сейчас филармония толкает на путь коммерции. Так, на днях я получила письмо за подписью генерального директора филармонии А.Безрукова, в котором говорится, что Московская консерватория предоставила филармонии новые условия аренды Большого зала консерватории, превосходящие нынешние более чем в два с половиной раза. Как пишет директор, просьба филармонии к консерватории о снижении цены на сегодня отклонена. Доводы о негативных последствиях столь резкого подорожания Большого зала для исполнителей, в том числе и государственных коллективов, не приняты. Что ждет нас в подобной ситуации, одному Богу известно. Я лично буду с этим бороться.

Чистокровный немецкий кидала

— Сегодняшний капитализм — это, конечно, жуть, но и развитый социализм был чудовищем. Манделштам, Гумилев, Ахматова, Цветаева — что они получили от власти? Вы играете музыку 20—30-х годов и знаете, где закончил свою жизнь легендарный Вадим Козин. В городе-тюрьме, в Магадане...

— У меня была потрясающая встреча с Козиным. В Магадане проходил музыкальный фестиваль, организаторы договорились с певцом, что после концерта мы придем к нему в гости. Концерт задержался. Понимая, что страшно опаздываем, мы все же поехали. Когда пришли, был, наверное, двенадцатый час. Звоним, никто не открывает. Наконец дверь распахивается. На пороге стоит в длинной ночной рубашке Козин, глаза гневно горят. Извиняясь, я буквально проскальзываю в комнату. Вижу разобранную кровать, стоящий возле нее стол. У меня были цветы, что подарил мне после концерта. Я, с извинениями за опоздание, кладу их на стол... Но Козин рассержен, разговаривать с нами не хочет, и мы, кланяясь, уходим. Когда вышли из подъезда, я увидела, что в сугробе валяются мои цветы, которые Козин в сердцах выбросил из окна. Вот это звезда!

— Давайте вернемся к вашему оркестру. Вы говорите — маленькая зарплата, на которую нельзя жить. Но есть гастролы, есть контракты... И там иные гонорары, которые очень помогают продержаться.

— Гастроли на какой-то момент спасают. Но мы испортили Запад. Когда рухнул "железный занавес", туда хлынуло дикое количество посредственных музыкантов. Поэтому и отношение к нам подозрительное. По экономике мы сейчас на каком месте? На 103-м, кажется. Вот и по расценкам наши музыканты тоже идут под этим номером. Но не потому, что играют хуже западных коллег, а потому, что с ними можно вести себя как с нищими. Импресарио это прекрасно знают. Я сейчас часто отказываюсь от зарубежных предложений, поскольку это бывает просто опасно.

Год назад приехал один немец, свалился как снег на голову. Он меня разыскал в Интернете в сети телевизионных программ. Приехал заключать со мной контракт на ведение телевизионной шоу-программы на центральных каналах АРД и ЦДФ. Это "Андреа-шоу", которое шло там десять лет. По контракту я должна была вести шоу четыре года. Мы с мужем долго контракт не подписывали, но, наконец, подписали. И вот приехали в Германию. Записали две программы, причем одну вместе с президентом ФРГ Иоханнесом Рау. Это был барочный концерт, который мы записывали в церкви, а репетировали три дня. Причем два дня с нами репетировал помощник президента, а третий день — часов дежурный — сам президент. Программы вышли в эфир, приняли их на ура... И что же? Чистокровный немец превратился в чистокровного русского кидала.

Чувственность, а не серийность

— Вы играете и одновременно дирижируете, не будучи дирижером, не возвышаясь над оркестром с палочкой. Как же вы управляете своим оркестром?

— Я выступаю в роли донора, девушки питаются моей энергией. Все происходило именно так в оркестрах эпохи барокко, в довердиевский период, когда не было дирижера с палочкой, а был капельмейстер с инструментом в руке. Выходила я и на чисто дирижерский подиум, когда дирижировала "Глория".

— Великий пианист Глен Гульд однажды ушел из концертного зала и больше туда не возвращался. Наверное, он устал от своей студии, делал тысячи дублей, один на один с инструментом и с музыкой. Вы могли бы оставить концертный зал, слушателей?

— Гульд ушел от живого общения с залом не потому, что устал от не-го зала и больше туда не возвращался. Наверное, он устал от своей студии, делал тысячи дублей, один на один с инструментом и с музыкой. Вы могли бы оставить концертный зал, слушателей?

— Да, и у меня здесь есть определенный опыт. Двенадцать лет назад я выступала в Кремле со знаменитым Дзуккеро и английской рок-группой. Затем был мой очередной выход в концертном зале "Россия". Композиция называлась "Вивальди-танго, или Игра Ва-Банк", это был спектакль, созданный мною и Александром Склярком и группой "Ва-Банк". Рок очень близок барокко. И там и там импровизация. Я уже не говорю про джаз — это вообще Бах.

— Скрипка, на которой вы играете, принадлежит вам?

— Нет, свою скрипку я продала, когда решила, что никогда уже не буду играть. А этот инструмент, созданный выдающимся итальянским мастером Гальяно в 1730 году, коллекционный, из Госколлекции.

— Получить такой инструмент — особая честь?

— В 1918 году нарком просвещения Луначарский издал указ, по которому все музыкальные инструменты из Госколлекции предоставлялись молодым талантливым музыкантам. Инструмент — это живой организм, он умирает, если на нем не играть, как жемчуг, который, если его не носить, тускнеет и тоже умирает. Теперь прошел слух, что все инструменты, которые на руках у музыкантов, отберут и сдадут на хранение в Музей музыкальной культуры им. Глинки. Но ведь инструмент не полотно, которое должно находиться в музее, зачем? Чтобы изобразить бурную деятельность? Нельзя же только ходить из кабинета в кабинет, надо что-то и делать. Вот и взялись за дело... И все так. Вместо того чтобы думать о людях, думают о том, как бы побольше создать им проблем и сложностей. Мне сейчас принесли новые квитанции от Мосэнегро, напечатанные на добротной толстой бумаге. На те деньги, что пошли на эту бумагу, можно накормить всех пенсионеров Москвы, но нет, никогда... Поэтому пока играем на коллекционных, у меня в оркестре есть еще два инструмента из Госколлекции.

— А что в ваших ближайших планах?

— В уютном старинном особняке Центрального Дома архитектора собираемся открыть клуб "АРТ-ресторан "Вивальди-оркестр", где будет воссоздана атмосфера гостинных лучших московских домов полувековой давности. Надеюсь, что наш клуб станет отдохновением от суеты и серости дня тех, кто к нам придет. Планируем открыть его под Старый Новый год.

Званный ужин под фейерверк

Концерт трех великих теноров: Лучано Паваротти, Хосе Каррераса и Пласидо Доминго, — ранее запланированный на 5 января 2003 года, будет перенесен. Это связано с тем, что подруга Паваротти Николетта Мантовани именно в начале следующего года собирается родить близнецов. Будущий отец не хочет пропустить столь важное для него событие. 67-летний Паваротти живет в гражданском браке с 33-летней Николеттой около шести лет. И если у Николетты до сих пор детей не было, то у Паваротти уже есть три дочери от первого брака.

В дни празднования 225-летнего юбилея одного из красивейших пригородов Петербурга — Павловска решено возобновить концерты в Греческом зале Большого Павловского дворца. Когда-то эти музыкальные вечера были традиционными и пользовались огромным успехом у слушателей. Теперь традиция возрождается, и здесь вновь будет звучать музыка.

Большой симфонический оркестр им. П.И.Чайковского и его главный дирижер и художественный руководитель Владимир Федосеев открывают Вторую серию "Общедоступных симфонических абонементов". Владимир Федосеев и БСО знакомят публику с монументальными симфоническими творениями Густава Малера. Кстати, Владимир Федосеев, уже более пяти лет возглавляющий Венский симфонический оркестр, считается одним из самых трепетных интерпретаторов музыки великого австрийского композитора.

Мариинский театр впервые откроет свой зал для проведения новогоднего бала и встречи 2003 года. Партер превратится в танцевальный зал, где пары кружатся под музыку вальсов Штрауса в исполнении симфонического оркестра. После приветственного коктейля в ложах и музыкальных сюрпризов в зале в парадном фойе бельэтажа будет сервирован ужин. В 23.45 по трансляции прозвучит традиционное новогоднее поздравление Президента России, после чего начнется гала-концерт звезд оперы и балета с участием хора и оркестра Мариинского театра под управлением Валерия Гергиева. Сигналом к разряду станет фейерверк на Театральной площади в три часа утра.

Барокко, рок и Луначарский

— Ваш сын рано обнаружил музыкальные способности?

— В шесть месяцев он уже напевал. А потом я, молодая мама, — я тогда училась на первом курсе консерватории — отвела его в ЦМШ, причем он не знал ни одной ноты. Как он учился? Я привязывала ему ноги к стулу полотенцем, чтобы не убежал.

— Разве можно так издеваться над ребенком?

— Это не столько издевательство, сколько юмор. Я никогда над ним не сидела, не дрожала, не заставляла. Правда, мне повезло, у него феноменальная память, поэтому у него нет ни одной тетради, он не записал ни одного задания, все помнит. И никогда никаких репетиторов. Но в профессии насилие должно быть, без этого ничего не добьешься. Как отец Паганини заставлял Никколо заниматься? Бил. А великий Яша Хейфец? Его отец, небрежливый человек, заперев сына в комнате и не выпустив, пока тот не прозанимается определенное количество часов.

— Когда вы приходите домой, вам, наверное, хочется выключить все, что звучит?

— Наоборот, я прихожу и сразу включаю телевизор, радио, потому что должна быть в курсе всего, политических и музыкальных событий, мне хочется знать, какие у нас появились новые рок-группы. И этот звук мне не мешает заниматься.

— Вы слушаете рок-группы, неужели вам это интересно?

— Да, и у меня здесь есть определенный опыт. Двенадцать лет назад я выступала в Кремле со знаменитым Дзуккеро и английской рок-группой. Затем был мой очередной выход в концертном зале "Россия". Композиция называлась "Вивальди-танго, или Игра Ва-Банк", это был спектакль, созданный мною и Александром Склярком и группой "Ва-Банк". Рок очень близок барокко. И там и там импровизация. Я уже не говорю про джаз — это вообще Бах.

— Скрипка, на которой вы играете, принадлежит вам?

— Нет, свою скрипку я продала, когда решила, что никогда уже не буду играть. А этот инструмент, созданный выдающимся итальянским мастером Гальяно в 1730 году, коллекционный, из Госколлекции.

— Получить такой инструмент — особая честь?

— В 1918 году нарком просвещения Луначарский издал указ, по которому все музыкальные инструменты из Госколлекции предоставлялись молодым талантливым музыкантам. Инструмент — это живой организм, он умирает, если на нем не играть, как жемчуг, который, если его не носить, тускнеет и тоже умирает. Теперь прошел слух, что все инструменты, которые на руках у музыкантов, отберут и сдадут на хранение в Музей музыкальной культуры им. Глинки. Но ведь инструмент не полотно, которое должно находиться в музее, зачем? Чтобы изобразить бурную деятельность? Нельзя же только ходить из кабинета в кабинет, надо что-то и делать. Вот и взялись за дело... И все так. Вместо того чтобы думать о людях, думают о том, как бы побольше создать им проблем и сложностей. Мне сейчас принесли новые квитанции от Мосэнегро, напечатанные на добротной толстой бумаге. На те деньги, что пошли на эту бумагу, можно накормить всех пенсионеров Москвы, но нет, никогда... Поэтому пока играем на коллекционных, у меня в оркестре есть еще два инструмента из Госколлекции.

— А что в ваших ближайших планах?

— В уютном старинном особняке Центрального Дома архитектора собираемся открыть клуб "АРТ-ресторан "Вивальди-оркестр", где будет воссоздана атмосфера гостинных лучших московских домов полувековой давности. Надеюсь, что наш клуб станет отдохновением от суеты и серости дня тех, кто к нам придет. Планируем открыть его под Старый Новый год.

Мелодия во флаконе

К этим духам требовался исключительный флакон. И Жанна попросила Армана Рато, известного скульптора-декоратора, которому она доверила оформление своего особняка, придумать такой флакон.

Рато создал знаменитый черный шар, который художник Зольта Ирисунок в стиле ар-деко. Мать и маленькая дочь в бальных платьях, держащиеся за руки и смотрящие друг на друга. Этот ритуал тоже мелодия, гармоничная и нежная.

Жанна Ланван

Что может быть общего между музыкой и духами? Очень много. Духи — это аромат, до времени спрятанный в драгоценный флакон. Но, когда аромат вырывается из хрустального плена на свободу, он звучит как яркая мелодия. Так, во всяком случае, случилось с духами, которые заказала парфюмеру Андре Фрэйсо одна из самых элегантных кутюрье Франции Жанна Ланван. Всю жизнь Жанна источником вдохновения и любви была ее дочь Мари-Бланш. Поэтому и духи задумала создать к 30-летию Мари-Бланш, тогда уже графини де Полиньяк. На разработку аромата ушло два года. Шедевр появился в 1927 году. Какое же имя дать композиции из более чем 60 цветочных ароматов? Имя придумала сама Мари-Бланш. Когда она впервые услышала аромат, то произнесла одно слово — Арпеджио (арпеджио — каскад гармоничных нот, последовательное исполнение звуков аккорда).

Жанна Ланван

Жанна Ланван

Жанна Ланван

Жанна Ланван

Жанна Ланван

Жанна Ланван

